

Г Л А З А В Г Л А З А

ТЕЛЕПЕРЕДАЧА «ВАСИЛИЙ ШУКШИН.
ПО СТРАНИЦАМ ПРОЗЫ».

Нельзя «избрать» такую интонацию: она может прозвучать только изнутри, из души, из глубин памяти человеческой. И она не могла не прозвучать в разговоре о Василии Макаровиче Шукшине. И как-то сразу (прошли на экране первые фотографии, сказал ясное и доброе слово о Шукшине С. Залыгин) припомнилось: почти двадцать лет назад вышел новый фильм М. Хуциева «Два Федора». На экране — ни на кого не похожий, приковывающий тотчас внимание, вызывающий редкостное расположение к себе человек. «Как из жизни». Ясные глаза, полные доброты, желания делать добро, видеть добро кругом. Только появился — и открылась в нем нешумная и непобедимая сила народного характера...

Передача «Василий Шукшин. По страницам прозы» (автор сценария и режиссер Б. Голдаев) посвящена именно прозе писателя, оттого нет на экране ни фрагментов фильмов, поставленных им самим, ни поставленных по его сценариям; ни тех, где он играл, кроме небольшого отрывка из фильма С. Бондарчука «Они сражались за Родину». Напряжение боя, люди один на один бьются с танками, побеждают, а потом, как-то застенчиво, оглядываясь вокруг, оглядывают и себя, будто не верят, что живы и что это они вот только что сумели противостоять ощерившемуся железу. И была большая правда в том, что именно этот эпизод шолоховского романа возник на экране. Он зримо напомнил о темпераменте самого Шукшина — человека, художника. Великой правде русского характера, которая так внятно заявила о себе в военную пору. Именно этот эпизод стал камертоном, выверявшим интонацию, с которой были возвращены в двух инсценировках шукшинские образы.

Есть у рассказов Шукшина свойство: когда читаешь какой-либо из них впервые, скоро начинаешь нетерпеливо ждать: когда же все свершится? Рассказы невелики, в них вроде ничего исключительного не происходит: старик за добро принес — по недомыслию — судье шматок сала, а судья старика, разумеется, выгнал. Другой старик пришел к старухе-сторожике сельмага, разговаривает «о жизни», а в магазин кто-то полез, только, оказалось, не вор... Это читательское нетерпение — тоже «как в жизни», тоже — от несуетливой, но жгучей жажды правды, добра, утверждения их, неделимых на «большие» и «малые».

В тот вечер прозвучали с экрана слова, написанные Шукшиным незадолго до смерти: «Русский народ за

свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...»

Высокая и неласковая порой правда шукшинской прозы заговорила с экрана тогда, когда И. Лапиков (сначала с подобающей сдержанностью актера-чтеца, потом уже в гриме, «в образе») задал загадку правдоискательства, захватившего пимоката Ефима Валикова. Отгадка отыскалась, когда судья «присудил» соседке, захватившей Ефиму убытки за сгоревшую баньку и за сарайчик. Сначала подобрело, жалостно даже как-то, лицо у Ефима—Лапикова: его простую правду обиженного недобротой человека, признали. А потом, уже дома, когда лапиковский Ефим «сочинял» же не про то, как судья «присудил», открылось самое главное: судья-то сказал, что нельзя обижать фронтовика, у которого «нога под Москвой», судья сказал...

Как сильно это в героях Шукшина: желание, чтобы им сказали то, чего сами они так ждут, что им так нужно, что, по-человечески рассуждая, чувствуя, не сказать-то просто нельзя. Жестко, без сантиментов прозвучала в инсценировке «Суда» и эта тема нравственного противостояния Ефима Валикова «образованной соседке» Алле Кузьминишне. И не надо было так густо вводить в интерьер соседкиного дома «модерную» мебель и бытовые электроприборы, пластинку, распевальную «по-американски»: шукшинское русское слово, точность речевой характеристики, обнаженность в этой прозе всех психологических тайников — все работает само за себя, без дополнительных изысков, без «домысливания».

Добавлю сразу: и в телеинсценировке «Бесед при ясной луне» действие происходит в интерьере, решительно ничем не напоминающем привычный «деревенский антураж». Парикмахерская, превращающаяся на ночь в Марьину сторожку, — шикарная, «городская» за ее окном поначалу даже странно выглядит избушка сельмага. Задумано хорошо: тут ведь дело не только в приметах современного сельского быта; тут дело в том, что шукшинское сокровенное («нравственность есть правда») — оно и всеобщее, не «городское», не «деревенское», а наше. Но этот хорошо задуманный прием не всегда точно — режиссерски — обыгран на экране, и слишком

уж выпирают в отдельных кадрах детали парикмахерского «дизайна», не подчеркивают главную идею, а скорее отвлекают от нее.

И дело не просто в конкретном решении образа, эпизода, а в сути шукшинской концепции мира, человека, современности; идет спор: кто как «умеет жить»?

«Умение жить» прославляет в инсценировке «Бесед при ясной луне» Николай Баев, роль которого воистину потрясаете сыгран М. Глузским. Очень шукшинский получился образ. Шукшин, «жалее», умел не только любить, но и ненавидеть — всерьез, не мелочась. Баев страшен во всем и во всем жалок. Жалок в ненависти к давно умершему отцу, к «нынешним», которым «все дано»; жалок в воспоминаниях о курах, которых получал некогда как гонорары «за образованность», и в подсчетах тех благ, которые недополучил; жалок, когда поет гимны своей «башковитости» и рассуждает о том, что умел он, Баев, «не по-крестьянски», объясняя «тайну» своего «самородства» шустростью неких «мирикандцев», в незапамятные времена проводивших в здешних местах изыскания.

И это все, и даже то, что Александру Невскому не с кем было землю русскую защищать (народ Баеву не нравится), М. Глузский заставляет своего старика Николая излагать его жизненную философию по-бытовому «мудро», хотя и с вдохновением, с учительским увлечением и с жалостью к «малограмотной» сторожке Марье Селезневой. Марья у Т. Пельтцер органически добра, по-настоящему мудра, а ведь она всего-то и делает, что слушает, не понимает «мудрости» баевских баек да в ответ на баевские филиппики говорит по-деревенски, зная, в чьем доме свадьба, и радуясь человеческому счастью; удивляется, как это можно не верить «про Александра Невского»; напоминает «больших людей из мужиков» — тех, что отстояли Россию, Родину в войну...

Шукшин писал об обыденном; об этом нам напомнили с экрана. А экран напомнил, что главная тема Шукшина была величие. Величие души народа, его идеалов, воплощением которых стала борьба за новую жизнь, сама эта новая жизнь.

С. Герасимов, который особенно провел эту передачу, очень хорошо сказал о Шукшине — художнике-коммунисте, для которого правда жизни, правда искусства и счастье народа — реальное счастье реальных людей — были неразделимы. Он напомнил слова Шукшина, ставшие сегодня общеизвестными: «Нравственность есть правда». Сопоставил с ними слова М. Шолохова о Шукшине: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного». Именно голосом сокровенного прозвучал с телеэкрана этот шукшинский вечер — была встреча глаза в глаза с человеком, сказавшим о сокровенном.

Это была встреча с образом самого Шукшина — тем, который возникает за строками его прозы.

В. КИСУНЬКО.